

— Наша семья заготовила полтуши свиные, и все в деревне это видели. Нужно отнести немного дедушке, — с улыбкой объяснил Лю Яоцин. — Заодно и рот отцу заткну, чтобы он не ныл.

С таким отцом ничего не поделаешь, от родни не избавишься, поэтому Лю Яоцин старался свести проблемы к минимуму. В конце концов, дело всего-то в одной миске свиных фрикаделек, а заодно, возможно, удастся и развлечься.

Войдя во двор, он заметил, что здесь никого нет. Старик Лю, Лю Цюаньфу и Сяо Бао грелись на кане. Сейчас становилось всё холоднее, и, кроме Чжун-гэ и старика Лю, в главной комнате кань вообще не топили. Поэтому, как только светало, все вставали и перебирались на кань в главной комнате. Ведь на кане у Чжун-гэ уже сидела Вэй-ши, беременная, и туда было не протиснуться.

Ли-ши и младшая Ли-ши хлопотали на кухне. Лю Яоцин заглянул туда и увидел, что они тоже готовят свиные фрикадельки, но положили слишком много овощей, и при жарке всё развалилось.

— Бабушка, я принёс миску свиных фрикаделек, — с улыбкой сказал Лю Яоцин.

Сердито взяв миску, Ли-ши вывалила фрикадельки и впервые за долгое время посмотрела на Лю Яоцина.

— А где твоя мать?

— На горе, занята, не может отлучиться, — ответил Лю Яоцин, подумав и добавив. — Вижу, что второй дядя до сих пор не вернулся. Видимо, в этом году он не приедет на Новый год. Вторая тётя и Юй-гэр будут праздновать у нас. Бабушка, ты не беспокойся.

Услышав это, Ли-ши насупилась.

В этом году подарков, которые привёз Лю Яоцин, должно было хватить на Новый год, и Ли-ши планировала докупить немного свинины. Но Вэй-ши и главная семья забрали большую часть, и теперь остатков на праздник не хватало. Ли-ши хотела забрать вещи обратно у Вэй-ши, но старик Лю не позволил. В последние дни атмосфера в доме была напряжённой.

К тому же, в этом году не было рядом надёжной и трудолюбивой Ли-ши, и даже Шэнь-ши не вернулась. Младшая Ли-ши была неряшлива и бесполезна, и Ли-ши приходилось справляться одной, отчего её злость только усиливалась.

Но прежде чем она успела что-то сказать, Лю Яоцин уже ушёл, держась за руку с Чжэцзы-гэ.

Ли-ши могла только пробормотать несколько ругательств.

— В этом году у дедушки будет много гостей. Придут родственники, пообедают, а угощения не хватит... Нам стоит заглянуть, — с улыбкой сказал Лю Яоцин.

— Цин-гэр, приходи, когда захочешь, — ответил Чжэцзы-гэ.

На следующий день наступил канун Нового года. Ли-ши встала рано утром и начала хлопотать, Шэнь-ши помогала ей. Юй-гэр, Син-гэ, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ стояли рядом.

Лю Цюаньцин ещё до рассвета был отправлен в теплицу, и у него не было возможности выйти. Он и сам был рад работать, чтобы не напрягать свой не слишком сообразительный ум.

Вечером все собрались в одной комнате, кань был раскалён, и они вместе лепили пельмени. Для теста использовали отборную муку, которую Лю Яоцин специально купил, а начинка была почти полностью из мяса, и запах был просто восхитительным...

Арахис тщательно вымыли, сняли красную кожуру, всего получилось около десятка зёрен. Лю Яоцин взял их в руку.

— Кто найдёт арахис в пельмене, тот будет весь год при деньгах и сможет тратить сколько угодно, — с улыбкой сказал он, сам взял кусочек теста, слепил пельмень и положил его среди тех, что лепила Ли-ши. Пельмень получился плоским, и его было легко заметить.

Все дома на горе были вычищены до блеска, кань был раскалён, и в комнате стоял пар, так что даже в лёгкой одежде не было холодно. Хэйбэй и Эр Хацзы сидели у теплицы и не уходили, пока Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ не забрали их по одному.

Когда горячие пельмени были готовы, Чжэцзы-гэ отнёс их Бао-гэру, а Хэйбэй и Эр Хацзы последовали за ним. Эти двое почему-то влюбились в красную клубнику и всё время пытались пробраться внутрь, чтобы сорвать ягоду. Бао-гэр не пускал их, но они не обижались.

Хань Да и другие не умели лепить пельмени и, не стесняясь, пришли попросить немного. К счастью, Лю Яоцин попросил Ли-ши сделать больше пельменей, так что их хватило на вечер, а на следующий день ещё оставалось.

Вечером Чжэцзы-гэ хотел остаться спать в комнате Лю Яоцина, а Син-гэ отправить в соседнюю комнату, но Лю Яоцин отказал.

— Это канун Нового года, иди к третьему дяде Цинь, а завтра вернёшься.

— Ладно, — кивнул Чжэцзы-гэ.

Ночью Лю Яоцин спал с Син-гэ на одном кане, а Мао Бай устроился под одеялом. Рано утром, ещё до рассвета, Ли-ши и Лю Цюаньцин уже встали, а Син-гэ надел новую одежду и, не боясь холода, побежал на улицу.

Чжэцзы-гэ зашёл в комнату, одетый в новую одежду, которая подчёркивала его широкие плечи, узкую талию и длинные ноги. Он подошёл к каню и, глядя на Лю Яоцина, который не хотел вылезать из-под одеяла, сказал:

— Цин-гэр, деревенские дети уже встали.

— Угу, — промурлыкал Лю Яоцин, потянув одеяло выше. — Юй-гэр уже приходил.

Взяв новую одежду Лю Яоцина, Чжэцзы-гэ положил её под одеяло, чтобы согреть, а затем, потерев руки, полез под одеяло, чтобы разбудить Лю Яоцина.

— Вставай быстрее, скоро дети начнут приходить за пельменями, и тебе придётся их раздавать.

В деревне Шангу на Новый год в каждом доме готовили сладости и фрукты, а те, кто побогаче, утром варили больше пельменей, чтобы раздавать детям. Эти дети вставали ещё до рассвета и ходили по домам, чтобы получить пельмени. Это называлось «еда из ста домов» и считалось хорошей приметой, защищающей от болезней.

Дома, где раздавали пельмени, целый день видели много детей, что символизировало

процветание семьи, поэтому более зажиточные семьи обычно готовили больше пельменей.

Лю Яоцин не спешил вылезать из-под одеяла, а Чжэцзы-гэ не торопил его. Когда одежда согрелась, он помог Лю Яоцину медленно одеться.

— Вставай, теперь не холодно, — с улыбкой сказал Чжэцзы-гэ.

На Лю Яоцине был одет тёплый халат, меховые штаны, а сверху ещё один халат и меховая накидка с капюшоном. Уши были прикрыты, а на шее висели пушистые перчатки. Худощавый Лю Яоцин теперь выглядел как шар.

Первый котёл пельменей уже был готов, и на улице уже ждали дети.

— Цин-гэр, мама сказала, что в этом году ты самый умный, дай мне пельмени.

— Моя мама тоже так сказала.

— Хе-хе, я пришёл первым, Цин-гэр, дай мне пельмени первым.

Дети смеялись, их лица были красными от холода, но они не чувствовали дискомфорта.

Войдя в дом, Лю Яоцин подождал, пока пельмени немного остынут, затем вышел с миской и сказал:

— Не толкайтесь, встаньте в очередь, кто первый пришёл, тот первый получит. Если не знаете, кто первый, играйте в камень-ножницы-бумагу, иначе пельменей не получите.

В этом году, хотя Лю Яоцин вёл себя тихо на горе, его вино «Нектар небожителей», вино «Персиковый нектар», мастерская лепёшек и необычные сельскохозяйственные культуры не остались незамеченными. Поэтому семьи с детьми отправляли их первыми на гору к Лю Яоцину, чтобы они прикоснулись к его удаче.

Некоторые старики говорили, что Лю Яоцин — это небожитель, который спустился с небес, чтобы помочь жителям деревни Шангу, и дети обязательно должны первыми пойти на гору, чтобы получить благословение.

Каждый ребёнок получил по пельменю и сразу же съел его.

Тонкое тесто из отборной муки, почти без отрубей, и начинка из чистого мяса, без овощей, напоминала плотный мясной шарик. Чем дольше его жевали, тем вкуснее он становился.

Дети, получившие пельмени, смеялись и бежали в другие дома, где раздавали пельмени. На этот раз они вели себя прилично, выстраиваясь в очередь, что вызывало уважение у хозяев.

Большую часть пельменей раздали, и некоторые дети, пробежав по деревне, возвращались снова. Лю Яоцин видел это, но не указывал на это.

Эти дети были одеты в обычную одежду, худые, с большими глазами, из небогатых семей. Лишний пельмень для них был лишним кусочком мяса в Новый год.

Последний котёл пельменей тоже был сварен, но не весь, чтобы оставить немного на вечер или на следующий день. Это называлось «изобилие на весь год».

Горячие пельмени были разложены по мискам на столе.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ сидели рядом. Третий дядя Цинь пришёл рано утром, пил чай и вино с Лю Цюаньцзинем, а теперь присоединился к ним за столом. Син-гэ и Юй-гэр сидели вместе, а Ли-ши и Шэнь-ши сели последними.

В комнате было тепло, пар от пельменей окутывал всех, и люди выглядели ещё красивее, чем обычно.

<http://bllate.org/book/16688/1532078>